

Леопольд фон
Захер-Мазох

ВЕНЕРА В МЕХАХ
Повести и рассказы

Леопольд фон Захер-Мазох

Венера в мехах (сборник)

Серия «Экранизированная классика (Бертельсманн)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9519830

*Захер-Мазох Л. Фон Венера в мехах: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа
Москва АО»; Москва; 2014
ISBN 978-5-88353-633-4, 978-5-88353-621-1*

Аннотация

Австрийский писатель Леопольд фон Захер-Мазох создавал пьесы, фельетоны, повести на исторические темы. Но всемирную известность ему принесли романы и рассказы, где главной является тема издевательства деспотичной женщины над слабым мужчиной; при этом мужчина получает наслаждение от физического и эмоционального насилия со стороны женщины (мазохизм). В сборник вошло самое популярное произведение – «Венера в мехах» (1870), написанное после тяжелого разрыва писателя со своей возлюбленной, Фанни фон Пистор; повести «Лунная ночь», «Любовь Платона», а также рассказы из цикла «Демонические женщины».

...В саду в лунную ночь Северин встречает Венеру – ее зовут Ванда фон Дунаева. Она дает каменной статуе богини

поносить свой меховой плащ и предлагает Северину стать ее рабом. Северин готов на всё! Вскоре Ванда предстает перед ним в горностаевой кацавейке с хлыстом в руках. Удар. «Бей меня без всякой жалости!» Град ударов. «Прочь с глаз моих, раб!». Мучительные дни – высокомерная холодность Ванды, редкие ласки, долгие разлуки. Потом заключен договор: Ванда вправе мучить его по первой своей прихоти или даже убить его, если захочет. Северин пишет под диктовку Ванды записку о своем добровольном уходе из жизни. Теперь его судьба – в ее прелестных пухленьких ручках.

Содержание

О странностях любви	6
Венера в мехах	15
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Леопольд фон Захер-Мазох

Венера в мехах (сборник)

© ООО «РИЦ Литература», состав тома,
вступительная статья, 2014

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау
АО», издание на русском языке, художественное
оформление, 2014

О странностях любви

Приметы времени: запретные ранее фильмы и отделы в секс-шопах «садо-мазо» стали уже привычными. Однако, как маркиз де Сад и Леопольд фон Захер-Мазох, так и садизм и мазохизм по сути – две стороны одной медали.

Впервые открывая книгу Захер-Мазоха «Венера в мехах», неискушенный читатель, кажется, готов – в духе времени – к истории об «Эммануэль» с плеткой и наручниками, но...

Оказывается, дело вовсе не в атрибутах, а прежде всего в размышлениях о природе и странностях любви между мужчиной и женщиной, о пороках, слабостях и о тончайшей, порой запредельной психологии. К тому же действие самого известного романа Захер-Мазоха происходит во второй половине XIX века, и даже «садо-мазо» в те времена было романтическим...

Леопольд фон Захер-Мазох родился 27 января 1836 года в Лемберге (ныне Львов, Украина) в семье начальника полиции Галиции – одного из отдаленных уголков Австрийской империи. Предками отца были испанцы, поселившиеся в Праге в XVI веке, и богемские немцы. В автобиографии сам Захер-Мазох неоднократно называл себя «украинцем по матери». Но ее родители не были этнически связаны с Украиной. Дедушка Леопольда, профессор медицины Лембергского университета Франц Мазох родился в Румынии,

бабушка происходила из немецкой диаспоры Чехии. Чтобы род жены не прекратился, отец писателя согласился присоединить ее девичью фамилию к своей; отсюда и сочетание Захер-Мазох.

Леопольд родился слабым и хилым. Ему взяли няню-кормилицу из Малороссии – грубоватую, крепкую, пышущую здоровьем крестьянку. Она пестовала Леопольда несколько лет. Он любил слушать ее страшные байки, которые позже легли в основу его цикла повествований о Галиции – стране, полной чудес.

В семье говорили по-немецки и по-французски, а от няни ее воспитанник перенял устный украинский язык.

Первой, детской любовью Леопольда была графиня Зиновия, родственница отца – роскошная дама, обожавшая соборные меха. Графиня допускала мальчика в свои покои, разрешала помочь ей снять накидку, переменить туфли... А он не раз прятался в комнате Зиновии и, затаив дыхание, наблюдал, как эта женщина принимает у себя любовников. Однажды графиня все-таки застучала Леопольда в своем шкафу и жестоко отлупила его. Вот тогда он испытал первое физическое наслаждение, густо замешанное на первом эротическом чувстве.

С тех пор женщина в мехах и с плеткой в руке стала его невыносимо навязчивым и любимым образом. Говоря о некоей даме, приглянувшейся ему, он заявлял: «Мне бы хотелось увидеть ее одетой в меха» или «Нет, я не могу пред-

ставить ее в мехах»...

Когда Леопольду исполнилось двенадцать лет, семья переехала в Прагу.

Учился Захер-Мазох блестяще – в университетах Праги и Граца, второго по величине города Австрии. В девятнадцать он защитил диссертацию, став доктором права, а затем в качестве приват-доцента преподавал историю.

В 1858 году молодой ученый анонимно опубликовал роман «Одна галицийская история. Год 1846», посвященный польскому восстанию. Затем появляются «Закат Венгрии и Мария Австрийская», «Эмиссар», другие исторические повести, пьесы. Но всё это не приносит автору ни интереса читателей, ни денег. Хотя к историческим сюжетам Захер-Мазох еще не раз вернется...

А пока он принимается за новую тему – пишет новеллу о распутном грешнике «Дон Жуан из Коломьи» (1866), принесшую ему громкий успех. В немалой степени этому способствовало благожелательное предисловие к книге опынейшего венского публициста и литературного критика Фердинанда Кюрнбергера, открывшего Захер-Мазоху доступ в престижные немецкие журналы и издательства.

Именно Кюрнбергер провел аналогию между начинающим, безвестным писателем и знаменитым, принадлежавшим в то время к западноевропейской литературной элите Иваном Тургеневым. Он же впервые обозначил Захер-Мазоха как «австрийского Тургенева».

Действительно, уже в «Дон Жуане из Коломьи» ощущается влияние тургеневских текстов. А в новелле «Лунная ночь» (1868), включенной в цикл «Наследие Каина», возникает фигура рассказчика – охотника, а также «славянские» природные, социальные и этнографические реалии; персонажи – помещики и крестьяне (пусть и не орловские, а галицийские); на этом фоне юный граф оказывается под роковым влиянием демонической сектантки... И часть западной читающей публики заметила некое сходство «каиновского цикла» с «Записками охотника».

Справедливости ради отметим, что сам Тургенев довольно неприязненно относился к личности и творчеству Захер-Мазоха. В письме к издателю Суворину в 1876 году он писал: «Я с ним не знаком лично – и, признаюсь, небольшой охотник до его романов. В них слишком много «литературы» и «клубнички» – две вещи хорошие, но при излишнем пережевывании – нестерпимые».

Однако, по поводу «клубнички»... За год до «Венеры в мехах» вышел немецкий перевод повести Тургенева «Переписка». Герой «Переписки» безумно влюбляется в красавицу-танцовщицу, явившуюся ему в образе вакханки «с виноградным венком на голове и тигровой кожей по плечам». Влюбленный целиком отдается ее власти – «как собака принадлежит своему господину» и делает в конце концов вывод: «В любви одно лицо – раб, а другое – властелин». Вот такая тургеневская повесть оказалась предшественницей зна-

менитого романа Захер-Мазоха...

«Венера в мехах» вышла в 1870 году, в первой части цикла «Наследие Каина». События, описанные в этой книге, соответствуют реальным подробностям любовных отношений самого Захер-Мазоха с молодой вдовой Фанни фон Пистор.

Главный персонаж «Венеры в мехах» молодой галицийский дворянин Северин Кузимский рассказывает о своем рабском подчинении любимой женщине – Ванде. Богиня и властительница, она носит отороченную мехом кацавейку и бьет его плетью – и ничто не может так усилить страсть, как жестокость его возлюбленной. Ванда всесильна, всегда справедлива, необузданна...

Кстати, и семейная жизнь писателя в первом браке протекала под знаком этого же сценария. Урожденная Аврора фон Рюмелин, ставшая его женой в 1873 году, даже взяла себе псевдоним Ванда, по имени героини «Венеры в мехах». О подробностях супружеской жизни с Захер-Мазохом она поведала широкой публике много позже, в 1906 году, когда издаст свои воспоминания. Не выдержав в конце концов причуд мужа, она покинула его, сбежав с другим и взяв с собой младшего сына. А вскоре от брюшного тифа умер старший сын, оставшийся с отцом...

Еще одна повесть из «Наследия Каина» – «Любовь Платона» – рассказывает о любовных исканиях знаменитого мыслителя в юности, о непонимании его окружающими людьми.

О цикле «Наследие Каина» следует сказать особо. За-

хер-Мазох задумал его состоящим из шести частей, озаглавленных соответственно каждому из шести элементов проклятия, наложенного на человечество: любви, собственности, труде, войне, государстве и смерти. Каждая из частей должна была состоять из шести новелл, пять из которых представляли бы реальное, пессимистическое положение в вышеназванных сферах, а заключительная являлась бы идеальным вариантом решения проблем.

Пять произведений первого раздела, озаглавленного «Любовь» («Дон Жуан из Коломьи», «Отставной солдат», «Лунная ночь», «Любовь Платона» и «Венера в мехах»), рассказывают о несчастьях, приносимых любовной страстью. А в последней повести этого раздела («Марцелла, или Сказка о счастье») представлена взаимная любовь и крепкий брак помещика и крестьянки, которую будущий супруг предварительно поднимает до своего уровня путем образования и воспитания.

Раздел «Любовь» вышел отдельным сборником в 1870 году, раздел «Собственность» – в 1877-м. Остальные четыре раздела остались незавершенными; для каждого из них автор успел создать только по две-три повести.

В 1873–1874 годах вышли произведения Захер-Мазоха, основанные на материале российской истории XVIII века: роман «Женщина-султан» об эпохе Елизаветы Петровны и четыре тома «Новелл русского двора», действие в которых происходит во времена от Петра I до Екатерины II.

В России писателя интересовали также сектанты (скопцы, духоборы, хлысты) и старообрядцы. В 1889 году появляется его статья «Русские секты», в которой приводятся отчасти реалистические, отчасти фантастические сведения о верованиях и быте сектантов и раскольников. А два «черных» романа Захер-Мазоха «Душегубка» и «Богоматерь» знакомят читателя с мистическими галицийскими сектами и по своему воздействию достигают высочайшего уровня страха и напряжения.

В сборник «Демонические женщины» были включены рассказы разных лет о сильных представительницах слабого пола. Героини этой книги вооружены красотой, они властны и жестоки, они обладают железной волей и безжалостны по отношению к своим обидчикам. В некоторых рассказах присутствует и доля фантастического, придающая общему замыслу еще больше колорита. И, как и в «Венере в мехах», автор показывает неразрывную связь между наслаждением и страданием, делает их зависимыми друг от друга.

Надо отметить, что успех Захер-Мазоха у немецких читателей оказался недолгим. Известность, хвалебные рецензии в прессе, внушительные гонорары постепенно сошли на нет. Уж слишком не соответствовали его книги консервативной бюргерской морали. А вот во Франции его популярность была очень высока. Лучшие парижские издательства выпускали большими тиражами не только его эротические произведения, но и галицийскую прозу. Признание и почтение он

нашел у таких столпов французской литературы, как Золя, Доде, Флобер, Дюма-сын. В 1883 году в связи с 25-летием писательской деятельности Захер-Мазох был удостоен высшей награды Франции – ордена Почетного Легиона.

В последние годы жизни он уже не занимался так интенсивно литературной работой. Во втором его браке с переводчицей Хульдой Майстер родились трое детей; семейство поселилось в принадлежавшем Хульде поместье недалеко от Франкфурта-на-Майне. Здесь писатель увлекся толстовством, организовал несколько публичных библиотек и народных школ.

Еще при жизни Захер-Мазоха австрийский психиатр и невропатолог, один из основателей сексологии Рихард фон Крафт-Эбинг, исследовав произведения писателя, ввел в научный оборот термин «мазохизм». Этим термином он обозначил половое отклонение, при котором человеку для достижения удовольствия необходимо испытывать физическую боль или моральное унижение. Впоследствии большое внимание проблеме мазохизма будет уделено в классическом психоанализе, в том числе в трудах Зигмунда Фрейда.

Леопольд фон Захер-Мазох умер в марте 1895 года от сердечной недостаточности. По некоторым утверждениям, урну с его прахом уничтожил пожар в 1929 году.

«Ему так и не удалось обрести отечество для своего таланта. Ему так и не удалось стать частью какого-нибудь целого. Правду говоря, это было бы ему не так просто сделать. Где

то целое, частью которого он мог бы стать? Ведь он нигде не был укоренен. К великому прошлому австрийской литературы он обратиться не мог, так как “великий дух” был чужд ему. Немцев он ненавидел, славянскую культуру – перерос. Культуры, соразмерной его таланту, просто не было» – так отозвался на смерть Захер-Мазоха «отец венского модерна» Герман Бар.

Юрий Павлов

Венера в мехах

*И покарал его Господь и отдал его в руки
женищины.*

Кн. Юдифи, 16, гл. 7.

У меня была очаровательная гостья.

Перед большим камином в стиле ренессанс, прямо против меня, сидела Венера. Но это не была какая-нибудь дама полусвета, ведущая под этим именем войну с враждебным полом – вроде какой-нибудь мадемуазель Клеопатры, – а настоящая и подлинная богиня любви.

Она сидела в кресле, а перед ней пылал в камине яркий огонь, и красный отблеск пламени освещал ее бледное лицо с белыми глазами, а время от времени и ноги, когда она протягивала их к огню, стараясь согреть.

Голова ее поражала дивной красотой, несмотря на мертвые каменные глаза; но только голову ее я и видел. Величавая богиня закутала все свое мраморное тело в широкие меха и, вся дрожа, сидела свернувшись в комочек, как кошка.

Между нами шел разговор...

* * *

– Я вас не понимаю, сударыня, – воскликнул я, – право же,

теперь совсем уже не холодно! Вот уже две недели, как у нас стоит восхитительная весна. Вы, очевидно, просто нервны...

— Благодарю за вашу весну! — отозвалась она своим глубоким каменным голосом и тотчас же вслед за этими словами божественно чихнула — даже два раза, быстро, один за другим. — Этого положительно сил нет выносить, и я начинаю понимать...

— Что, глубокоуважаемая?

— Я готова начать верить невероятному, понимать непостижимое. Мне сразу становится понятной и германская женская добродетель, и немецкая философия, — и меня перестает поражать то, что вы любить не умеете, что вы и отдаленного представления не имеете о том, что такое любовь...

— Позвольте, однако, сударыня!.. — воскликнул я, вспылив. — Я положительно не дал вам никакого повода...

— Ну, вы другое дело! — божественная чихнула в третий раз и с неподражаемой грацией повела плечами. — Зато я была к вам неизменно благосклонна и даже время от времени навещаю вас, хотя, благодаря множеству своих меховых покровов, каждый раз простуживаюсь. Помните ли вы, как мы с вами в первый раз встретились?

— Еще бы! Мог ли бы я забыть это! — ответил я. — У вас были тогда пышные каштановые локоны, и карие глаза, и ярко-розовые губы, но я тотчас же узнал вас по овалу лица и по этой мраморной бледности... Вы носили всегда фиолетовую бархатную кофточку с меховой опушкой.

– Да, вы были без ума от этого туалета... И какой вы были понятливый!

– Вы научили меня понимать, что такое любовь. Ваше веселое богослужение заставило меня забыть о двух тысячелетиях...

– А как беспримерно верна я вам была!

– Ну, что касается верности...

– Неблагодарный!

– Я совсем не хотел упрекать вас. Вы, правда, божественная женщина, – и, как всякая женщина, вы в любви жестоки.

– Вы называете жестокостью то, – с живостью возразила богиня любви, – что составляет главную сущность чувственности, веселой и радостной любви, то, что составляет природу женщины: отдаваться, когда любит, и любить все, что нравится.

– Да разве может быть что-нибудь более жестокое для любящего, чем неверность возлюбленной?

– Ах, мы и верны, пока любим! – воскликнула она. – Но вы требуете от женщины, чтобы она была верна, когда и не любит, чтобы она отдавалась, когда это и не доставляет ей наслаждения, – кто же более жесток, мужчина или женщина? Вы, северяне, вообще понимаете любовь слишком серьезно и сурово. Вы толкуете о каких-то обязанностях там, где речь может быть только об удовольствиях.

– Да, сударыня, – и зато у нас такие почтенные и добродетельные чувства и такие длительные связи...

– И так же вечно это тревожное, ненасытное, жадное стремление к языческой наготе, – вставила она. – Но та любовь, которая представляет высшую радость, воплощенное божественное веселье, – эта не по вас, она не годится для вас, современных детей рассудочности. Для вас она несчастье. Когда вы захотите быть естественными, вы впадаете в пошлость. Вам представляется природа чем-то враждебным, из нас, смеющихся богов Греции, вы сделали каких-то злых демонов, меня представили дьяволицей. Меня вы умеете только преследовать, заточать и проклинать – или же, в порыве вакхического безумия, сами себя заклать, как жертву, на моем алтаре. И когда у кого-нибудь из вас хватает мужества целовать мои яркие губы, – он тотчас бежит искупать это паломничеством в Рим босиком и в покаянном рубище, ждет, чтоб высохший посох дал зеленые ростки, – тогда как под моими ногами вечно прорастают живые розы, фиалки и зеленый мирт, но вам не по силам упиваться их ароматом. Оставайтесь же среди вашего северного тумана, в дыму христианского фимиама, – а нас, язычников, оставьте под грудой развалин, под застывшими потоками лавы, не откапывайте нас! Не для вас были воздвигнуты наши Помпеи, наши виллы, наши бани, наши храмы – не для вас! Вам не нужно богов! Мы гибнем в вашем холодном мире!

Мраморная красавица закашляла и плотнее запахла темный соболий мех, облежавший ее плечи.

– Благодарю за данный нам классический урок, – ответил

я. – Но вы ведь не станете отрицать, что по природе мужчина и женщина – в вашем веселом, залитом солнцем мире, так же как и в нашем туманном, – враги; что любовь только на короткое время сливает их в единое существо, живущее единой мыслью, единым чувством, единой волей, чтобы потом еще сильнее разъединить их. И – это вы лучше меня знаете – кто потом не сумеет подчинить другого себе, тот страшно быстро почувствует ногу другого на своей спине...

– И обыкновенно даже, именно мужчина ногу женщины... – воскликнула мадам Венера насмешливо и высокомерно. – Это-то уж вы лучше меня знаете.

– Конечно. Вот потому-то я и не строю себе иллюзий.

– То есть вы теперь мой раб без иллюзий... и я за то без сострадания буду топтать вас...

– Сударыня!

– Разве вы до сих пор меня не знаете? Ну да, я жестока, – раз уж вам такое удовольствие доставляет это слово. И разве я не права тем, что жестока? Мужчина жадно стремится к обладанию, женщина – предмет этих стремлений; это ее единственное, но зато решительное преимущество. Природа отдала на ее произвол мужчину с его страстью, и та женщина, которая не умеет сделать его своим подданным, своим рабом, больше, своей игрушкой – и затем со смехом изменить ему, – такая женщина просто неумна.

– Ваши принципы, глубокоуважаемая... – начал я, возмущенный.

– ...покоятся на тысячелетнем опыте, – насмешливо перебила меня божественная, перебирая своими белыми пальцами темный волос меха. – Чем более преданной является женщина, тем скорее отрезвляется мужчина и становится властелином. И чем более она окажется жестокой и неверной, чем грубее она с ним обращается, чем легкомысленнее играет им, чем больше к нему безжалостна, тем сильнее разгорается сладострастие мужчины, тем больше он ее любит, боготворит. Так было от века во все времена – от Елены и Далилы и до Екатерины II и Лолы Монтец.

– Не могу отрицать, – сказал я, – для мужчины нет ничего пленительнее образа прекрасной, сладострастной и жестокой женщины – деспота, весело, надменно и беззаветно меняющей своих любимцев по первому капризу...

– И облаченной к тому же в меха! – воскликнула богиня.

– Как это вам в голову пришло?

– Я ведь знаю ваше пристрастие.

– Но, знаете ли, – заметил я, – с тех пор, как мы с вами не виделись, вы стали большой кокеткой...

– О чем это вы, позвольте спросить?

– О том, что в мире нет и не может быть ничего обворожительнее для вашего белого тела, чем этот покров из темного меха, и что он...

Богиня засмеялась.

– Вы грезите! – промолвила она. – Проснитесь-ка! – И она схватила меня за руку своей мраморной рукой. – Да просни-

тес же! – прогремел ее голос низким грудным звуком.

Я с усилием открыл глаза.

Я увидел тормозившую меня руку, но рука эта оказалась вдруг темной, как из бронзы, и голос оказался сиплым, пьяным голосом моего денщика, стоявшего предо мной во весь свой почти саженный рост.

– Да вставайте же, что это, срам какой!

– Что такое? Почему срам?

– Срам и есть – заснуть одетым, да еще за книгой! – Он снял нагар с оплывших свечей и поднял выскользнувшую из моих рук книгу. – Да еще за сочинением (он открыл крышку переплета) Гегеля... И потом, давно пора уж к господину Северину ехать, он к чаю нас ждет.

* * *

– Странный сон!.. – проговорил Северин, когда я кончил рассказ, облокотился руками на колени, склонил лицо на свои тонкие руки с нежными жилками и глубоко задумался.

Я знал, что он долго так просидит, не шевелясь, почти не дыша; так это действительно и было. Меня не поражало его поведение – мы состояли с ним уже почти три года в отличных приятельских отношениях, и я успел привыкнуть ко всем его странностям.

А странный человек он был, этого отрицать нельзя было, хотя и далеко не такой опасный безумец, каким его считали

не только ближайшие соседи, но и всюду окрест во всей Коломее. Меня же он не только интересовал, — за это и я прослыл среди многих немножко свихнувшимся, — но и весь он был мне в высшей степени симпатичен.

Для человека его положения и возраста, — он был галицийский дворянин и помещик, и было ему лет тридцать с небольшим, — он был поразительно трезвомыслящий человек, очень серьезного склада, даже до педантизма. В основу своей жизни он положил полуфилософскую, полупрактическую систему, которую проводил с мелочной выдержанностью, и жил не только по ней, но в то же время еще и по часам, по термометру, по барометру, по аэрометру, по гигрометру. Но при этом временами его постигали припадки страстности, во время которых всякий, глядя на него, считал его способным головой стену прошибить и тщательно избегал его, боясь попасться ему на дороге.

Пока он так долго сидел безмолвно, кругом раздавались разнообразные звуки: потрескивал в камине огонь, пыхтел большой почтенный самовар, поскрипывало старое прадедовское кресло, в котором я, покачиваясь, курил свою сигару, трещал сверчок в стенах старого дома, — и глаза мои бесцельно блуждали по странной, оригинальной утвари, по скелетам животных, по чучелам птиц, по глобусам и гипсовым фигурам, которыми загромождена была его комната.

Вдруг мне на глаза случайно попала картина. Я часто видел ее и раньше, но отчего-то теперь я не мог оторвать от

нее глаз: такое неизъяснимое впечатление произвела она на меня в эту минуту, освещенная красным отблеском пламени в камине.

На ней была изображена прекрасная женщина, с солнечной-яркой улыбкой на нежном лице, с пышной массой волос, собранных в античный узел, и с легким налетом белой пудры на них; опершись на левую руку, она сидела на оттоманке нагая, завернутая в меховой плащ, правая рука ее играла хлыстом, а обнаженная нога небрежно опиралась на мужчину, распростертого перед ней, как раб, как собака.

И этот мужчина, с резкими, но правильными и красивыми чертами лица, с выражением затаенной тоски и беззаветной страсти поднимавший к ней горячий мечтательный взгляд мученика, – этот мужчина, служивший подножной скамейкой ногам красавицы, был сам Северин. Только без бороды – по-видимому, лет на десять моложе, чем теперь.

– *Венера в мехах!* – воскликнул я, указывая на картину. – Такой я и видел ее во сне.

– Я тоже... – отозвался Северин. – Только я видел свой сон открытыми глазами.

– Как так?

– Ах, это очень глупая история.

– Твоя картина, вероятно, и послужила поводом для моего сна, – сказал я. – Ты должен мне рассказать, однако, что у тебя связано с этой картиной. Несомненно, она играла какую-то роль в твоей жизни, и, по-видимому, очень реши-

тельную... Я это представляю себе, но узнать все хочу от тебя.

– Взгляни-ка на другую, ее pendant, – сказал мой странный друг, не обращая внимания на мои слова.

Другая представляла превосходную копию известной тичиановской «Венеры с зеркалом» из Дрезденской галереи.

– Ну, что же ты хочешь сказать своим сопоставлением?

Северин встал и указал пальцем на картине мех, в который облек Тициан свою богиню любви.

– Здесь тоже «Венера в мехах», – сказал он с легкой улыбкой. – Не думаю, чтобы старый венецианец проявил в этом какой-нибудь умысел. Вероятно, он просто писал портрет какой-нибудь знатной Мессалины и был так любезен, что заставил держать перед ней зеркало – в котором она с холодным удовольствием исследует свои величавые чары, – Амура, а ему, по-видимому, эта работа не очень сладка.

Эта картина – сплошная месть в красках. Впоследствии какой-нибудь «знаток» эпохи рококо окрестил эту даму именем Венеры, и меха деспотической красавицы, в которые закуталась прекрасная натурщица Тициана, наверное, не столько из целомудрия, сколько из боязни схватить насморк, сделались символом тирании и жестокости, таящихся в женщине и ее красоте.

Но дело не в этом. Картина эта, в своем нынешнем виде, является самой едкой, злой сатирой на нашу любовь. Венера, вынужденная кутаться на нашем абстрактном севере, в, как

лед, холодном христианском мире, в просторные, тяжелые меха, – чтобы не простудиться!..

Северин засмеялся и закурил новую папиросу.

В эту самую минуту скрипнула дверь и в комнату вошла, неся нам к чаю холодное мясо и яйца, красивая полная блондинка, с умными и приветливыми глазами, одетая в черное шелковое платье. Северин взял одно яйцо и разбил его краем ножа.

– Говорил я тебе, чтоб яйца были всмятку?! – крикнул он так резко, что молодая женщина вздрогнула.

– Но... Севчу, милый!.. – испуганно пробормотала она.

– Что там «Севчу»! – закричал он снова. – Слушаться ты должна, понимаешь? Слушаться меня!..

И он сорвал со стены плетку, висевшую рядом с его оружием.

Как пойманный зверь, пугливо бросилась хорошенькая женщина к двери и быстро выскользнула из комнаты.

– Ну, подожди... еще попадешься мне в руки! – крикнул он ей вслед.

– Что с тобой, Северин! – сказал я, кладя руку на рукав его сюртука. – Как можно так обращаться с этой хорошенькой маленькой женщиной!

– Да, смотри на них, на женщин! – возразил он, шутливо подмигнув глазом. – Если бы я льстил ей, она накинула бы мне петлю на шею, – а так, когда я ее воспитываю плетью, она на меня молится...

– Полно тебе вздор говорить!

– Это ты вздор говоришь. Женщин необходимо так дрессировать.

– Да, по мне, живи себе, если угодно, как паша в своем гареме, но не предъявляй мне теорий...

– Отчего и не теорий?! – с живостью воскликнул он. – Знаешь гётевское: «Ты должен быть либо молотом, либо наковальней», – ни к чему это не применимо в такой мере, как к отношениям между мужчиной и женщиной, – это тебе, между прочим, развивала и мадам Венера в твоём сне. На страсти мужчины основано могущество женщины, и она отлично умеет воспользоваться этим, если мужчина оказывается недостаточно предусмотрительным. Перед ним один только выбор – быть либо тираном, либо рабом. Стоит ему поддаться чувству на миг – и голова его уже окажется под ярмом и он тотчас почувствует на себе кнут.

– Диковинная теория!

– Не теория, а практика, опыт, – возразил он, кивнув головой. – Меня в самом деле хлестали кнутом, это не шутка... Теперь я выздоровел. Хочешь прочесть, как это все случилось?

Он встал и вынул из ящика своего массивного письменного стола небольшую рукопись.

– Ты прежде спросил меня о той картине, – сказал он, положив передо мной на стол рукопись. – Я давно уже в долгу у тебя с этим объяснением. Возьми это – прочти!

Северин сел у камина спиной ко мне и, казалось, уснул с открытыми глазами. По выражению его лица можно было думать, что он видит сны. Снова в комнате все стихло, слышны были только треск дров в камине, тихое гудение самовара и стрекотание сверчка за старой стеной.

Я раскрыл рукопись и прочел:

«Исповедь метафизика»

На полях рукописи красовались, в качестве эпиграфа, видоизмененные известные стихи из Фауста:

«Тебя, метафизик, чувственник, женщина водит за
нос!

Мефистофель».

Я перевернул заглавный лист и прочел:

«Нижеследующее я составил по своим тогдашним заметкам в дневнике; свободно восстановить свое прошлое правильно – трудно, а так все сохраняет свою свежесть, правдивые краски настоящего».

* * *

Гоголь, этот русский Мольер, где-то говорит – не помню, где именно... ну, все равно, – что истинный юмор – это тот, в котором сквозь «видимый миру смех» струятся «незримые

миру слезы».

Дивное изречение!

Странное настроение охватывает меня порою в течение того времени, что я пишу эти записки.

Воздух кажется мне напоенным волнующими ароматами цветов, которые опьяняют меня и причиняют мне головную боль. В извивающихся струйках дыма мне чудятся образы маленьких домовых с седыми бородами, насмешливо указывающих пальцами на меня. По локотникам моего кресла и по моим коленям, мнится мне, скользят верхом толстошекие амуры, – и я невольно улыбаюсь, даже громко смеюсь, записывая свои приключения... И все же я пишу не обыкновенными чернилами, а красной кровью, которая сочится у меня из сердца, потому что теперь вскрылись все его зарубцевавшиеся раны, и оно сжимается и болит, и то и дело каплет слеза на бумагу.

* * *

В ленивой праздности тянутся дни в маленьком курорте в Карпатах. Никого не видишь, никто тебя не видит. Скучно до того, что хоть садись идилии сочинять. У меня здесь столько досуга, что я мог бы написать целую галерею картин, мог бы снабдить театр новыми пьесами на целый сезон, для целой дюжины виртуозов написать концерты, трио и дуэты, но... что толковать! – в конце концов я успеваю только на-

тянуть холст, разложить листы бумаги, разлиновать нотные тетради, потому что я...

Только без ложного стыда, друг Северин! Лги другим, но обмануть себя самого тебе уже не удастся. Итак, скажем правду: потому что я не что иное, как дилетант. Только дилетант – и в живописи, и в литературе, и в музыке, и еще кое в чем из тех так называемых бесхлебных искусств, жрецы которых получают от них нынче министерские доходы, а порой и положение маленьких владетельных князей... Ну, и прежде всего я – дилетант в жизни.

Жил я до сих пор так же, как писал картины и книги, то есть я ушел не дальше грунтовки, планировки, первого акта, первой строфы. Бывают такие люди, которые вечно только начинают и никогда не доводят до конца; вот и я один из таких людей.

Но к чему вся эта болтовня?

К делу.

Я высовываюсь из окна и нахожу, в сущности, бесконечно поэтичным то гнездо, в котором я изнываю. Вид отсюда на высокую голубую стену гор, обвеянную золотистым ароматом солнца, вдоль которой извиваются стремительные каскады ручьев, словно серебряные ленты... Как ясно и синее небо, в которое упираются снеговые вершины; как зелены и ярко свежи лесистые откосы, луга с пасущимися на них стадами, вплоть до желтых волн зреющих нив, среди которых мелькают фигуры жнецов, то исчезая, нагнувшись, то снова

выныривая.

Дом, в котором я живу, расположен среди своеобразного парка, или леса, или лесной чащи – это можно назвать как угодно; стоит он очень уединенно.

Никто в нем не живет, кроме меня и какой-то вдовы из Лемберга, – да еще домовладелицы Тартаковской, маленькой, старенькой женщины, которая с каждым днем становится меньше ростом и старше, – да старого пса, хромающего на одну ногу, да молодой кошки, вечно играющей с тем же клубком ниток; а клубок ниток принадлежит, я полагаю, прекрасной вдове.

А она, кажется, действительно красива – эта вдова, и еще очень молода, ей не больше двадцати четырех лет, и очень богата. Она живет в верхнем этаже, а я в первом, вровень с землей. Зеленые жалюзи на ее окнах всегда опущены, балкон – весь заросший зелеными вьющимися растениями. Зато у меня есть внизу милая, уютная беседка, обвитая диким виноградом, в которой я читаю, и пишу, и рисую, и пою – как птица в ветвях.

Из беседки мне виден балкон. Иногда я и поднимаю глаза к нему, вверх, и время от времени сквозь густую зеленую сеть мелькнет белое платье.

В сущности, меня очень мало интересует красивая женщина там, наверху, потому что я влюблен в другую, и, надо сказать, до последней степени безнадежно влюблен – еще гораздо более безнадежно, чем рыцарь Тоггенбург и Шевалье

в Манон Леско, – потому что моя возлюбленная... из камня.

Есть в саду, там, в маленькой чаше, восхитительная лужайка, на которой мирно пасутся два-три домашних зверька. На этой лужайке стоит каменная статуя Венеры – кажется, копия с оригинала во Флоренции. Эта Венера – самая красивая женщина, которую я когда-либо в жизни видел.

Это еще не так много значит, правда, – потому что я видел мало красивых женщин, да и женщин вообще мало видел; я и в любви дилетант, никогда не уходивший дальше грунтовки, первого акта.

Но к чему тут сравнения, – как будто то, что прекрасно, может быть превзойдено?

Довольно того, что эта Венера прекрасна и что я люблю ее – так страстно, так болезненно нежно, так безумно, как можно любить только женщину, неизменно отвечающую на любовь вечно одинаковой, вечно спокойной, каменной улыбкой. Да, я буквально молюсь на нее.

Часто, когда солнце жарко палит деревья, я укладываюсь близ нее под сенью молодого бука и читаю; часто я посещаю мою холодную, жестокую возлюбленную и по ночам, – тогда я становлюсь пред ней на колени, прижавшись лицом к холодным камням, на которых покоятся ее ноги, и беззвучно молюсь ей.

Нет слов выразить эту красоту, когда над ней восходит луна – теперь она как раз близится к полнолунию – и плывет среди деревьев, и лужайка залита серебряным блеском... а

богиня стоит, словно просветленная, и как будто купается в ее мягком сиянии.

Однажды, возвращаясь с такой молитвы, я заметил: в одной из аллей, ведущих к дому, мелькнула вдруг, отделенная от меня одной зеленой галереей, женская фигура – белая, как камень, и облитая лунным светом. На мгновение меня охватило такое чувство, как будто моя прекрасная мраморная женщина сжалась надо мной и ожила и пошла за мной... И душу мне оковал безотчетный страх, сердце трепетало, словно готовое разорваться, – и вместо того чтобы...

Ну, да ведь я дилетант. И как всегда, я застрял на втором стихе... Нет, я не застрял, наоборот, – я побежал так быстро, как только хватило моих сил.

* * *

Вот случайность! У еврея, торговца фотографиями, оказывается как раз снимок с моего идеала! Небольшой листок – «Венера с зеркалом» Тициана... Что это за женщина! Я напишу стихотворение. Нет! Я возьму листок и подпишу под ним: *«Венера в мехах»*.

Ты зябнешь, – ты, сама зажигающая пламя! Закутайся же в свои деспотические меха, – кому они и приличествуют, если не тебе, жестокая богиня красоты и любви!..

И через некоторое время я прибавил к подписи несколько стихов из Гёте, которые я недавно нашел в его Паралипомене

к Фаусту.

«Амуру! Обманчивые крылышки и стрелы – не стрелы, а когти, и скрытые рожки под венком. Сомнения нет: как все боги Греции, и он лишь – замаскированный черт».

Затем я поставил гравюру пред собой на стол, оперев ее о книгу, и принялся рассматривать ее.

Холодное кокетство прекрасной женщины, с которым она драпирует свою красоту темными собольими мехами, строгость, жестокость, лежащая в дивных чертах мраморного лица, меня чаруют и внушают мне в то же время ужас.

Я снова берусь за перо, и вот что ложится на бумагу:

«Любить, быть любимым – какое счастье! И все же как бледнеет его яркий восход перед полным муки блаженством – боготворить женщину, которая делает нас своей игрушкой, быть рабом прекрасной тиранки, безжалостно топчущей нас ногами. Даже Самсон – этот великан – отдался еще раз в руки Далилы, изменившей ему, и она еще раз предала его, и филистимляне связали его на ее глазах и выкололи ему глаза, остававшиеся до последнего мгновения отуманенными яростью и любовью, прикованными к прекрасной изменнице».

* * *

Я завтракал в своей беседке и читал Книгу Юдифи и завидовал злому язычнику Олоферну за его кроваво-прекрасную кончину, за отсеченную рукой царственной женщины

голову его.

«И покарал его Господь и отдал его в руки женщины».

Эта фраза поразила меня.

Как нелюбезны эти евреи, думал я. Да и сам Бог их! – Мог же он выбрать поприличнее выражения, говоря о прекрасном поле!

«Бог покарал его и отдал в руки женщины»... – повторил я про себя.

Что бы мне придумать, что совершить, чтобы он покарал меня?

Ах, ради бога... Опять является эта домохозяйка; за ночь она еще сморщилась и стала еще немножко меньше. А там, наверху, опять что-то белеет меж зеленых ветвей...

Венера или вдова?

На этот раз вдова, потому что госпожа Тартаковская, приседая, просит у меня от ее имени книг для чтения.

Я бегу к себе в комнату и быстро тащу со стола пару томов.

Слишком поздно уже я вспоминаю, что в одном из них лежит моя гравюра – Венера. И теперь она у белой женщины там, наверху, вместе со всеми моими излияниями.

Что-то она об этом скажет?

Я слышу, она смеется.

Не надо мной ли?

Полнолуние! Вон уже вышла луна из-за верхушек невысоких елей, окаймляющих парк, и серебристый аромат разлился над террасой, над группами деревьев, залил всю местность, какую только можно охватить глазом, и мягко трепещет вдали, словно зыбкая поверхность вод.

Так странно манит, зовет... Я не в силах противиться. Одеваюсь снова и выхожу в сад.

Меня влечет туда, на лужайку, к ней – к моей богине, к моей возлюбленной.

Прохладная ночь. Я зябну от свежести. Воздух опьяняет тяжелым ароматом цветов, лесной чащи.

Как торжественно вокруг! Какая музыка ночи... Томительно рыдает соловей. Звезды тихо-тихо мерцают в бледно-голубой выси. Лужайка кажется гладкой, как зеркало, как ледяной покров пруда.

Светло и величаво высится предо мной статуя Венеры.

Но что это там темнеет?..

С мраморных плеч богини ниспадает до самых ступней ее длинный меховой плащ...

Я стою в оцепенении, не сводя с нее глаз, – и снова чувствую, как меня охватывает неизъяснимый знакомый тоскливый испуг... и бегу прочь.

Я бегу торопливо, все ускоряя шаги, – и вдруг замечаю,

что ошибся аллеей. Возвращаюсь и только что хочу направиться в один из боковых зеленых коридоров, смотрю – прямо передо мной, на каменной скамье сидит Венера – моя прекрасная, каменная богиня... нет! живая, настоящая богиня любви – с горячей кровью, бегущей по жилам...

Да, она ожила для меня – как статуя Галатеи, начавшая дышать для своего творца... Правда, чудо совершилось только наполовину: еще из камня ее белые волосы, еще мерцают, как лунные лучи, ее белые одежды... или это атлас?.. А с плеч ниспадает темный мех... Но губы уже красны, и окрашиваются щеки, и из глаз ее струятся в мои глаза два дьявольских зеленых луча. И вот она смеется!

О, какой это странный смех, неизъяснимый!.. У меня захватывает дух, и я бегу, бегу без оглядки, но через каждые несколько шагов вынужден останавливаться, чтобы перевести дух... А этот насмешливый хохот преследует меня через темные сплетения листвы, через озаренные светом дерновые площадки, сквозь чащу, в которую врываются одинокие лунные лучи... Я сбился, мечусь по дорожкам, не знаю, куда идти, – на лбу у меня выступают крупные капли холодного пота.

Наконец я останавливаюсь и произношу краткий монолог. Ведь наедине с самими собой люди всегда бывают или очень любезны, или очень грубы.

И вот я говорю себе:

– Осел!

Волшебное действие оказывает это коротенькое слово, точно заклинание, от которого вмиг рассеялись чары, и я пришел в себя.

Мгновенно я успокаиваюсь и удовлетворенно повторяю:
– Осел!

И вот я снова вижу все отчетливо и ясно. Вот фонтан, вон буковая аллея, а вон там и дом. И я медленно направляюсь теперь к нему.

Вдруг – еще раз, внезапно – за зеленой стеной, залитой лунным сиянием, затканной серебром, – еще раз мелькнула белая фигура, прекрасная каменная женщина, которую я боготворю, которой я боюсь, от которой я бегу.

Два-три прыжка – и я дома, перевожу дух и задумываюсь. Что же теперь? Что я такое: маленький дилетант или большой осел?

* * *

Знойное утро – в воздухе душно, тянет крепкими, волнующими ароматами.

Я снова сижу в своей беседке, увитой диким виноградом, и читаю «Одиссею». Читаю об очаровательной волшебнице, превращающей своих поклонников в зверей. Дивный образ античной любви.

Тихо шелестят ветви и стебли, шелестят листы моей книги, что-то шелестит и на террасе.

Женское платье...

Вот *она*... Венера... только без мехов... нет! теперь другая... это вдова!.. И все же... она... Венера!.. О, что за женщина!

Вот она предо мной – в легком белом утреннем одеянии – и смотрит на меня...

Какой поэзией, какой дивной прелестью и грацией дышит ее изящная фигура!

Она не высока, но и не мала. Головка – не строгой красоты, она скорее обаятельна, как головка французской маркизы XVIII столетия. Но как обворожительна! Мягкий и нежный рисунок не слишком маленького рта, чарующая шаловливость в выражении полных губ... кожа так нежно-прозрачна, что всюду сквозят голубые жилки, – не только на лице, но и на закрытых тонкой кисеей руках и груди... пышные красные волосы... да, волосы рыжи – не белокуры, не золотисты – рыжи, но как демонически прекрасно и в то же время прелестно, нежно обвивают они затылок... Вот сверкнули ее глаза – словно две зеленые молнии... Да, они зеленые, эти глаза, с их неизъяснимым выражением, кротким и властным, – зеленые, но того глубокого таинственного оттенка, какой бывает в драгоценных камнях, в бездонных горных озерах.

Она заметила мое смущение, – а растерялся я до невежливости, до того, что забыл встать, снять фуражку с головы.

Она лукаво улыбнулась.

Наконец я подымаюсь, кланяюсь. Она подходит ближе и раздражается звонким, почти детским смехом. Я что-то бормочу, запинаясь, — как может только бормотать в такую минуту маленький дилетант или большой осел.

Так мы познакомились.

Богиня осведомилась о моем имени и назвала свое.

Ее зовут Ванда фон Дунаева.

И она действительно моя Венера.

— Но, сударыня, как пришла вам в голову такая идея?

— Мне ее подала гравюра, лежавшая в одной из ваших книг...

— Я забыл ее...

— Ваши странные заметки на обороте...

— Почему странные?

Она смотрела мне прямо в глаза.

— Мне всегда хотелось встретить настоящего мечтателя-фантаста... ради разнообразия... Ну, а вы мне кажетесь, по всему, одним из самых безудержных...

— Многоуважаемая... в самом деле... — И я чувствую, что у меня опять глупо, идиотски спотыкается язык и, в довершение, я краснею — так, как это еще прилично было бы шестнадцатилетнему юноше, но не мужчине, который почти на целых десять лет старше...

— Вы сегодня ночью испугали меня.

— Да, собственно, дело в том, что... не угодно ли вам, впрочем, присесть?

Она села и, видимо, забавлялась моим испугом, — а мне действительно и теперь, средь бела дня, становилось все более и более страшно — очаровательная усмешка дрожала вокруг ее верхней губы.

— Вы смотрите на любовь, — заговорила она, — и прежде всего на женщину, как на нечто враждебное, перед чем вы стараетесь, хотя и тщетно, защищаться, но чью власть вы чувствуете, как сладостную муку, как жалящую жестокость. Взгляд вполне современный.

— Вы с ним не согласны?

— Я с ним не согласна, — подхватила она быстро и решительно и несколько раз покачала головой, отчего локоны ее заколыхались, как огненные струйки. — Для меня веселая чувственность эллинской любви — радости без страдания — идеал, который я стремлюсь осуществить в личной жизни. Потому что в ту любовь, которую провозглашает христианство, которую проповедуют современные люди, эти рыцари духа, — в нее я не верю.

Да, да, смотрите на меня. Я не только еретичка — гораздо хуже: я — язычница.

Не думала долго богиня любви,
Когда ей понравился в роще Анхиз.

Меня всегда восхищали эти стихи из римской элегии Гёте.
В природе лежит только эта любовь, любовь героической

эпохи, та, которую «любили боги и богини». Тогда – «за взглядом следовало желание, за желанием следовало наслаждение».

Все иное – надуманно, неискренно, искусственно, аффектировано. Благодаря христианству – этой жестокой эмблеме его – кресту... душа моя содрогается ужасом от него... – в природу и ее безгрешные инстинкты были внесены элементы чуждые, враждебные. Борьба духа с чувственным миром – вот евангелие современности. Я не принимаю его!

– Да, вам бы жить на Олимпе, сударыня, – ответил я. – Ну, а мы, современные люди, не переносим античной веселости, – по крайней мере в любви. Одна мысль – делить женщину, хотя бы она была какой-нибудь Аспазией, с другими – нас возмущает, мы ревнивы, как наш Бог. И вот почему у нас имя очаровательной Фрины стало бранным словом.

Мы предпочитаем скромную, бледную гольбейновскую деву, принадлежащую нам одному, – античной Венере, которая как бы она ни была божественно прекрасна, любит сегодня Анхиза, завтра Париса, послезавтра Адониса. И если случится, что в нас одерживает верх стихийная сила и мы отдаемся пламенной страсти к подобной женщине, то ее жизнерадостная веселость нам кажется демонической силой, жестокостью, и в нашем блаженстве мы видим грех, который требует искупления.

– Значит, и вы увлекаетесь современной женщиной? Этой бедной истерической женщиной, которая, как сомнамбула,

вечно бродит в поисках несуществующего идеала мужчины, плода своего воображения, и в своем бреде не умеет оценить лучшего мужчину, в вечных слезах и муках, ежеминутно оскорбляя свой христианский долг, мечется, обманывая, и, обманутая, выбирая, покидая и снова ища, никогда не умеет ни изведать счастье, ни дать счастье и только клянет судьбу – вместо того, чтобы спокойно сознаться: я хочу любить и жить, как любили и жили Елена и Аспазия.

Природа не знает прочных и длительных отношений между мужчиной и женщиной!

– Сударыня...

– Дайте мне договорить. Только эгоизм мужчины стремится схоронить женщину, как сокровище. Все попытки внести эту прочность в самую изменчивую из всех изменчивых сторон человеческого бытия – в любовь – путами священных обрядов, клятв и договоров потерпели крушение. Можете ли вы отрицать, что наш христианский мир разлагается?

– Но, сударыня...

– Но единичные мятежные личности, восстающие против общественных установлений, изгоняются, клеймятся позором, забрасываются камнями... – вы это хотели сказать, конечно? Ну, хорошо. У меня хватает дерзновения, я хочу прожить свою жизнь согласно своим языческим принципам. Я отказываюсь от вашего лицемерного уважения, я предпочитаю быть счастливой.

Те, кто выдумали христианский брак, отлично сделали, что выдумали одновременно и бессмертие. Но я нисколько не думаю о жизни вечной, — если с последним моим вздохом здесь на земле для меня, как для Ванды фон Дунаевой, все кончено, — что мне из того, что мой чистый дух воссоединится в песнопении с хором ангелов или что мой прах сольется в материю для новых существ?

А если я сама, такова, какова я есть, больше жить не буду — во имя чего же я стану отрешаться от радостей? Принадлежать человеку, которого я не люблю, только потому, что я когда-то его любила? Нет! Я не хочу отречения — я люблю всякого, кто мне нравится, и дам счастье всякому, кто меня любит. Разве это гадко? Нет, это гораздо красивее, во всяком случае, чем если бы я стала жестоко наслаждаться мучениями, которые я причиняю, и добродетельно отворачиваться от бедняги, изнывающего от страсти ко мне. Я молода, хороша и богата — и весело живу для удовольствия, для наслаждения.

Пока она говорила и глаза ее лукаво сверкали, я схватил ее руки, хорошенько не сознавая, что хотел делать с ними, но теперь, как истинный дилетант, торопливо выпустил их.

— Ваша искренность восхищает меня, — сказал я, — и не одна она...

Опять все то же — проклятый дилетантизм перехватил мне горло!

— Что же вы хотели сказать?

— Что я хотел?.. Да, я хотел... простите... сударыня... я

перебил вас.

– Что такое?

Долгая пауза. Наверное, она говорит про себя целый монолог, который в переводе на мой язык исчерпывается одним-единственным словом: осел!

– Если позволите спросить, сударыня, – заговорил я наконец, – как вы дошли до... до этого образа мыслей?

– Очень просто. Мой отец был человек очень умный. Меня с самой колыбели окружали копии античных статуй, в десятилетнем возрасте я читала Жиль Блаза. Как большинство детей считают Мальчика с пальчик, Синюю бороду и Золушку, так считала я своими друзьями Венеру и Аполлона, Геркулеса и Лаокоона. Мой муж был человек веселый, жизнерадостный; ничто не могло надолго омрачить его чело, ни даже неизлечимая болезнь, постигшая его вскоре после того, как мы поженились.

Даже в ночь накануне своей смерти он взял меня к себе в постель, а в течение долгих месяцев, которые он провел в своем кресле на колесах, он часто шутя говорил мне: «Есть уже у тебя поклонник?» Я загоралась от стыда.

А однажды он прибавил: «Не обманывай меня, это было бы гадко. А красивого мужчину найди себе – или даже лучше сразу нескольких. Ты – чудесная женщина, но при этом полуребенок еще, ты нуждаешься в игрушках».

Вам не нужно говорить, надеюсь, что, пока он был жив, я поклонников не имела; но он воспитал меня такой, какова я

теперь: гречанкой.

– Богиней... – поправил я.

– Какой именно? – спросила она, улыбнувшись.

– Венерой!

Она погрозила мне пальцем и нахмурила брови.

– И даже «Венерой в мехах»... Погодите же, – у меня есть большая шуба, которой я могу укрыть вас всего, – я поймаю вас в нее, как в сети.

– И вы полагаете, – быстро заговорил я, так как меня осе-
нила мысль, показавшаяся мне в ту минуту, при всей ее про-
стоте и банальности, очень дельной, – вы полагаете, что ваши
идеи возможно проводить в наше время? Что Венера может
разгуливать во всей своей нескрываемой и радостной красо-
те в мире железных дорог и телеграфов?

– *Нескрываемой* – нет, конечно! В шубе! – воскликнула
она, смеясь. – Хотите видеть мою шубу?

– И потом...

– Что же «потом»?

– Красивые, свободные, веселые и счастливые люди, ка-
кими были греки, возможны только тогда, когда существуют
рабы, которые делают все прозаические дела повседневной
жизни и которые прежде всего – работают на них.

– Разумеется, – весело ответила она. – И прежде всего,
олимпийской богине, вроде меня, нужна целая армия рабов.
Берегитесь же меня!

– Почему?

Я сам испугался той смелости, с которой у меня вырвалось это «почему». Она же нисколько не испугалась; у нее только слегка раздвинулись губы, так что из-за них сверкнули маленькие белые зубы, и потом проронила вскользь, как будто дело шло о чем-нибудь таком, о чем и говорить не стоило:

– Хотите быть моим рабом?

– Любовь не знает разграничений, – ответил я торжественно-серьезно. – Но если бы я имел право выбора – властвовать или быть подвластным, – то мне показалась бы гораздо более привлекательной роль раба прекрасной женщины. Но где же я нашел бы женщину, которая не добивалась бы влияния мелочной сварливостью, а сумела бы властвовать в спокойном сознании своей силы?

– Ну, это-то было бы нетрудно, в конце концов.

– Вы думаете?..

– Ну, я, например, – она засмеялась, откинувшись на спинку скамьи. – У меня деспотический талант... есть у меня и необходимые меха... но вы сегодня ночью совсем серьезно испугались меня?

– Совсем серьезно.

– А теперь?

– Теперь... теперь-то я особенно боюсь вас!

* * *

Мы встречаемся теперь ежедневно, я и... Венера. Много

времени проводим вместе, вместе завтракаем у меня в беседке, чай пьем в ее маленькой гостиной, и я имею широкую возможность развернуть все свои маленькие, очень маленькие таланты. Для чего же я в самом деле учился всем наукам, пробовал силы во всех искусствах, если бы не сумел блеснуть перед маленькой хорошенькой женщиной?

Но эта женщина – отнюдь не маленькая и импонирует мне страшно. Сегодня я попробовал нарисовать ее – и только тут отчетливо почувствовал, как мало подходят современные туалеты к этой голове камеи. В чертах ее мало римского, но очень много греческого.

Мне хочется изобразить ее то в виде Психеи, то в виде Астарты, сообразно изменчивому выражению ее глаз – одухотворенно-мечтательному или утомленному, полному изнеможения, когда лицо ее словно опалено огнем сладострастия. Ей хочется, чтобы я писал ее портрет.

Ну, хорошо – я напишу ее в мехах.

О, как мог я колебаться хотя бы минуту! Кому же идут царственные меха, если не ей?

* * *

Вчера вечером я был у нее и читал ей римские элегии. Потом я отложил книгу и фантазировал что-то собственное. Кажется, она была довольна... даже больше: она буквально приковалась глазами к моим губам и грудь ее прерывисто

дышала.

Неужели мне это только показалось?

Дождь меланхолически стучал в оконные стекла, огонь мягко, по-зимнему, потрескивал в камине — я почувствовал себя у нее так уютно, тепло... на мгновение я забыл свое почтительное обожание и просто поцеловал руку красавицы, и она не рассердилась.

Тогда я сел у ее ног и прочел маленькое стихотворение, которое написал для нее.

Я молил в нем свою «Венеру в мехах», ожившую героиню мифа, дьявольски прекрасную женщину, мраморное тело которой покоится среди мирта и агав, положить свою ногу на голову ее раба.

На этот раз мне удалось пойти дальше первой строфы, но по ее повелению я отдал ей в тот вечер листок, на котором записал это стихотворение, и так как копии у меня не осталось, то я могу припомнить его теперь только в общих чертах.

Странное чувство я испытываю. Едва ли я влюблен в Ванду — по крайней мере, при первой нашей встрече я совершенно не испытал той молниеносной вспышки страсти, с которой начинается влюбленность. Но я чувствую, что ее необычайная, поразительная, истинно-божественная красота мало-помалу опутывает меня своей магической силой.

Не похоже оно и на возникающую сердечную привязанность. Это какая-то психическая подчиненность, захватыва-

ющая меня медленно, постепенно, но тем полнее и бесповоротнее.

С каждым днем мои страдания становятся все глубже, нестерпимее, а она... только улыбается этому.

* * *

Сегодня она сказала мне вдруг, без всякого повода:

– Вы меня интересуете. Большинство мужчин так обыкновенны – в них нет подъема, пафоса, поэзии, а в вас есть известная глубина и энтузиазм и – главное – серьезность, которая мне нравится. Я могла бы вас полюбить.

* * *

После недолгого, но сильного грозового ливня мы отправились вместе на лужайку, к статуе Венеры. Всюду над землей подымался пар, облака его неслись к небу, словно жертвенный дым; над головами нашими раскинулась разорванная радуга; ветви деревьев еще роняли капли дождя, но воробы и зяблики уже прыгали с ветки на ветку и так возбужденно щебетали, слов но чему-то радовались. Воздух был напоен свежими ароматами.

Через лужайку трудно пройти, потому что она вся еще мокрая и блестит и искрится на солнце, словно маленький

пруд, над подвижным зеркалом которого высится богиня любви – а вокруг головы ее кружится рой мошек и, освещенный солнцем, он кажется живым ореолом.

Ванда наслаждается восхитительной картиной и, желая отдохнуть, опирается на мою руку, так как на скамьях в аллее еще не высохла вода. Все существо ее дышит сладостной истомой, глаза полузакрыты, дыхание ее ласкает мою щеку.

Я ловлю ее руку и – положительно не знаю, как я решился! – спрашиваю ее:

– Могли бы вы полюбить меня?

– Почему же? – отвечает она, остановив на мне свой спокойный и ясный, как солнце, взор. – Но не надолго.

Одно мгновение – и я стою перед ней на коленях и прижимаюсь пылающим лицом к душистым складкам ее кисейного платья.

– Ну, Северин... ведь это неприлично!

Но я ловлю ее маленькую ногу и прижимаюсь к ней губами.

– Вы становитесь все неприличнее! – восклицает она, вырывается от меня и быстро убегает в дом, а в моей руке остается ее милая, милая туфелька.

Что это? Благословение?

* * *

Весь день я не решался показаться ей на глаза. Перед ве-

чером я сидел у себя в беседке – вдруг мелькнула ее обво-
рожительная огненная головка сквозь выющую зелень ее
балкона.

– Отчего же вы не приходите? – нетерпеливо крикнула она
мне сверху.

Я взбежал на лестницу, но у самой двери меня снова охва-
тила робость, и я тихонько постучался. Она сказала «войди-
те», а отворила дверь сама, остановившись на пороге.

– Где моя туфля?

– Она... я ее... я хочу... – бессвязно забормотал я.

– Принесите ее, потом мы будем вместе чай пить и побол-
таем.

Когда я вернулся, она возилась за самоваром. Я торже-
ственно поставил туфельку на стол и отошел в угол, как
мальчишка, ожидающий наказания.

Я заметил, что у нее был немного нахмурен лоб и вокруг
губ легла какая-то строгая, властная складка, которая при-
вела меня в восторг.

Вдруг она звонко расхохоталась:

– Значит, вы... в самом деле влюблены... в меня?

– Да, и страдаю сильнее, чем вы думаете.

– Страдаете? – И она снова засмеялась.

Я был возмущен, пристыжен, уничтожен; но она ничего
этого не заметила.

– Зачем же? – продолжала она. – Я отношусь к вам очень
хорошо, сердечно.

Она протянула мне руку и смотрела на меня чрезвычайно дружелюбно.

– И вы согласитесь быть моей женой?

Ванда взглянула на меня... Не знаю, как это определить, как она на меня взглянула – прежде всего, кажется, изумленно, а потом немного насмешливо.

– Откуда это вы вдруг столько храбрости набрались? – проговорила она.

– Храбрости?..

– Да, храбрости жениться вообще, и в особенности на мне? Так скоро вы подружились вот с этим? – Она подняла туфельку. – Но оставим шутки. Вы в самом деле хотите жениться на мне?

– Да.

– Ну, Северин, это дело серьезное. Я верю, что вы любите меня, я тоже люблю вас – и, что еще лучше, мы интересуем друг друга, нам не грозит, следовательно, опасность скоро наскучить друг другу. Но ведь я, вы знаете, легкомысленная женщина – и именно потому-то я отношусь к браку очень серьезно, – и если я беру на себя какие-нибудь обязанности, то я хочу иметь возможность и исполнить их. Но я боюсь... нет... вам будет больно услышать это.

– Будьте искренни со мной, прошу вас! – настаивал я.

– Ну, хорошо, скажу откровенно: я не думаю, чтоб я могла любить мужчину дольше, чем...

Она грациозно склонила набок головку и соображала.

- Дольше года?
- Что вы говорите! Дольше месяца, вероятно.
- И меня не дольше?
- Ну, вас... вас, может быть, два.
- Два месяца! – воскликнул я.
- Два месяца – это очень долго.
- Сударыня, это больше, чем антично...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.